

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 47–54
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 47–54
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-47-54>, EDN: DQIQVT

Научная статья
УДК 821.161.1.09-1-31+929[Есенин+Чернышевский]

О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на творчество С. А. Есенина

Е. А. Самоделова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Самоделова Елена Александровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. В статье рассматриваются истоки знакомства Сергея Есенина с романом «Что делать?» Н. Г. Чернышевского в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. Произведение входило в круг чтения интеллигенции, а учащиеся вне школьных занятий вели о нем споры и проникались идеалами «новых людей». Затем Есенин встретился с романом Чернышевского на лекциях по русской литературе П. Н. Сакулина в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского. В итоге целый ряд элементов поэтики Чернышевского ассоциативно отразился в поэмах и стихотворениях Есенина и повести «Яр». В произведениях Есенина заметны образные переключки с Чернышевским. Главные идейные моменты, волновавшие обоих писателей: прекрасное будущее Отчизны, сознательное творческое устройство земного рая. Из художественных средств писатели использовали эпитет «новый», применяя его к переосмыслению библейских законов человеческого общежития – свободы, равенства и братства. Оба писателя считали этот эпитет главным элементом описания как процесса построения справедливого государственного строя, так и характеристики творцов лучшей жизни. Понимая важность нюансов психологии для каждого человека, Чернышевский и Есенин разрабатывали концепт тайны. Удачно найденное философское решение Чернышевский применял при создании достоверных житейских картин, а Есенин наделял его дополнительными библейскими и мифологическими смыслами, утверждая «тайну» как всеобъемлющий постулат софийности. В личной жизни Есенин в юности брал пример с бытовых привычек Рахметова, но не повторяя всю линию поведения литературного героя Чернышевского. Есенин дал своим главным действующим лицам рассказа «У белой воды» (предположительно 1915) необычные имена, которые фигурируют у второстепенных и просто упомянутых персонажей романа Чернышевского. Однако, чтобы не утверждать всеобъемлющий характер заимствований Есениным творческих находок Чернышевского, в статье приведены другие возможные источники имен и биографические основы некоторых поведенческих линий поэта.

Ключевые слова: Николай Чернышевский, роман «Что делать?», Рахметов, эпитет «новый», концепт *тайна*, рассказ «У белой воды», поэзия Есенина

Для цитирования: Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на творчество С. А. Есенина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 47–54. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-47-54>, EDN: DQIQVT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the influence of the novel *What Is to Be Done?* by N. G. Chernyshevsky on the work of S. A. Yesenin

E. A. Samodelova

A. M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Elena A. Samodelova, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. The article discusses the origins of Sergei Yesenin's acquaintance with the novel *What Is to Be Done?* by N. G. Chernyshevsky: this happened in Spas-Klepikovskaya second-class teacher's school in 1909-1912. The work was read among the intellectuals, and students outside of school hours argued about it and embraced the ideals of the "new people". Later Yesenin encountered Chernyshevsky's novel at the lectures on Russian literature by P. N. Sakulin at Moscow City People's University named after A. L. Shanyavsky. As a result, a number of elements of Chernyshevsky's poetics were associatively reflected in Yesenin's long and short poems as well as in his story *Yar*. In the works of Yesenin figurative echoes with Chernyshevsky are noticeable. The main ideological moments that worried both writers include: the wonderful future of the Fatherland, the conscious creative arrangement of the earthly paradise in the country. Among artistic means, the writers used the epithet "new", applied it to the re-interpretation of the biblical laws of human society in terms of freedom, equality and brotherhood. Both writers considered this epithet to be the main element in describing both the process of building a just state system, and in characterizing the creators of a better life. Understanding the importance of the nuances of psychology for each person, Chernyshevsky and Yesenin developed the concept of mystery. Chernyshevsky used the successfully found philosophical solution to create reliable everyday pictures, and Yesenin endowed it with further biblical and mythological

meanings, asserting the “mystery” as a comprehensive postulate of sophianism. In his personal life, Yesenin in his youth followed the example of the everyday habits of Rakhmetov, but without repeating the entire line of behavior of Chernyshevsky's literary character. Yesenin gave his main characters in the story *At the White Water* (<1915>) unusual names that appear in minor characters and characters mentioned in passing in Chernyshevsky's novel. However, in order not to assert the comprehensive nature of Yesenin's borrowings of Chernyshevsky's creative findings, the article presents other possible sources of names and biographical foundations for some of the poet's behavioral lines.

Keywords: Nikolay Chernyshevsky, novel *What Is to Be Done?*, Rakhmetov, the epithet “new”, the concept *mystery*, story *At the White Water*, Yesenin's poetry

For citation: Samodelova E. A. On the influence of the novel *What Is to Be Done?* by N. G. Chernyshevsky on the work of S. A. Yesenin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 47–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-47-54>, EDN: DQIQVT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Логично думать, что Есенин прочитал роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского во время учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг., в которой один из одноклассников во время дружеских споров именовался фамилией писателя из-за симпатии к его общественно-философским воззрениям, хотя произведения этого автора не входили в школьный курс [1, с. 66; 2, т. 1, с. 127]. Об этом же свидетельствует упоминание Рахметова в письме школьному другу Г. А. Панфилову в середине (?) декабря 1912 г. из Москвы [3, т. 6, с. 27. № 16].

Впервые с официальным вниманием к творчеству Н. Г. Чернышевского, прослеживающимся в университетских лекциях, Есенин соприкоснулся в Москве. Согласно «Программам лекций по литературе в рамках историко-философского цикла Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского» в курсе «Русская литература середины XIX века» проф. П. Н. Сакулина на 1913–1914 академический год под пунктом 9 значилось: «Народ в литературе шестидесятых годов. Чернышевский и его роман “Что делать?”» [1, с. 169; 2, т. 1, с. 593]. П. Н. Сакулин в записной книжке «День за днем» за 1914 г. под 17 февраля сделал помету: «Шан<явский> до социализма <?> Черн<ышевского>» [4, с. 252]. Есенин обучился в частном университете с 1913 по начало 1915 г., преимущественно слушая лекции по литературе [2, т. 1, с. 176 и др.]. Его друг детства Н. А. Сардановский в воспоминаниях второй половины 1950-х гг. указывал об учебе Есенина в Университете им. Шанявского: «Мне Сергей говорил, что он посещал там исключительно лекции по литературе. Этот предмет читали наиболее видные профессора того времени: Айхенвальд, автор книги “Силуэты русских писателей”, и Сакулин» [5, т. 1, с. 133]. П. Н. Сакулин был автором лекций «Русская литература после Пушкина. Лекции, читанные в

1911–1912 г. на Высших женских курсах» [6], законспектированных и изданных курсистками. О том, что на Есенина оказал большое влияние роман Чернышевского, свидетельствует наибольшее число переключек и аллюзий, наблюдающихся в повести «Яр» (<1915>)¹, созданной вскоре после прекращения поэтом занятий в Университете им. А. А. Шанявского [7].

Заметны и совсем далекие от «Яра» параллели из романа Чернышевского с другими произведениями Есенина. У Чернышевского в разделе² XVI главы 4 в «Четвертом сне Веры Павловны» описан счастливый мир – с прекрасным пейзажем (с золотистой нивой, с цветами на лугах), с помогающей труженикам техникой, с чугунно-хрустальным зданием и справедливым устройством общества, со всеобщей трапезой и песней после завершения работ: «Роскошный пир. Пенится в стаканах вино; сияют глаза пирующих» [8, с. 251–252]. У Есенина также присутствуют сельские мотивы нивы, юрт (ср. «шатры» у Чернышевского), дружеского пира в «маленькой поэме» «Отчарь» (19–20 июня 1917), написанной в с. Константиново, что во многом обусловило сельскую образность. Вот наиболее яркие среди художественных образов, в том числе метафорические и мифологические (последних не было у Чернышевского), соотносящие небесный рай с земной жизнью: «Там лунного хлеба // Златятся снопы» и «Свет ангельских юрт»; «Всех зовешь ты на пир», «Все русское племя // Сзывает к столам» и «Сычёною брагой // Обносит их круг» [3, т. 2, с. 38–40]. У Есенина это счастливое и благополучное отечество, распространенное на всю планету в результате Февральской революции 1917 г., в перспективе которой он поверил: «Под облач-

¹ Здесь и далее угловые скобки при датах произведений Есенина показывают их приблизительность и условность, внесены современными текстологами-комментаторами, в отличие от дат, поставленных самим поэтом.

² Название «раздел» дано нами условно, так как у Чернышевского стоят только римские цифры.

ным древом // Верхом на луне // Февральской метелью // Ревешь ты во мне» [3, т. 2, с. 36].

У Чернышевского подобная прекрасная страна, прогнозируемая в будущем, обнимающая собой и прежнюю пустыню, теперь орошаемую, «называется Новая Россия» (в разделе XVI главы 4) [8, с. 261]; ср. «Инонию» (январь 1918) Есенина и его пристрастие к эпитету «новый» в творчестве, начиная с предчувствия революционной эпохи. Прилагательное «новый» с оттенком значения ‘преобразование, переустройство’ появляется в стихотворении Есенина «Наша вера не погасла...» (<1915>) со строчками «Он закован в белом плаче // Разгадавших новый свет» [3, т. 4, с. 120]; в «Покраснела рябина...» (1916) со стихами «Новой свежестью ветра // Пахнет зреющий снег» [3, т. 1, с. 101]; в первой редакции «Как покладинка лег через ров...» к стихотворению «Ночь и поле, и крик петухов...» (<1916–1922>) со словами «Песня новая в тихой избе» [3, т. 1, с. 301]; в стихотворении «Мечта» (<1916>) с утверждением «Новый короб чувства я навьючил // И пошел по новым берегам» [3, т. 4, с. 152]; в стихотворении «О родина!» (<1917>) с зачином «О родина, о новый // С золотою крышей кров» [3, т. 4, с. 166]; в стихотворении «Не пора ль перед новым Посемьем» (<1917>) уже в зачине [3, т. 4, с. 273] и др. Особенно обильны употреблением лексемы «новый» так называемые «маленькие поэмы» революционного периода, основанные на переосмыслении Библии: «Певущий зов» (апрель 1917) со стихами «Земля предстала // Новой купели!» и «Новый Назарет // Перед вами» [3, т. 2, с. 26–27]; «Преображение» (ноябрь 1917) со стихами «Новый Содом // Сжигает Егудиил», «Новый из красных врат // Выходит Лот» и «Новый сеятель бредет по полям, // Новые зерна // Бросает в борозды» [3, т. 4, с. 53–54]; «Иорданская голубица» (20–23 июня 1918) с троекратным усилением «О новый, новый, новый, // Прорезавший тучи день!» [3, т. 3, с. 59]; «Сельский часослов» (<1918>) с утверждением «Деве твоей Руси // Новое возвестил я // Рождение» [3, т. 4, с. 176] и др.

И вскоре после свершившихся двух революций 1917 г. эпитет «новый» продолжает оставаться частотным в лирике Есенина, напр.: в стихотворении «В час, когда ночь воткнет...» (<январь 1919>) – «Мы идем, мы идем продолбить // Новые двери» [3, т. 4, с. 181]. В авторском творчестве словоупотребление «нового» с глобальным «преобразовательным» смысловым оттенком подкреплено опорой на словотворчество советской эпохи: ср. «Новая экономическая политика», «новаторы» и т.п.

В раннем творчестве поэта эпитет «новый» встречался с иными семантическими акцентами – ‘другой, видоизменившийся, пришедший на смену, еще один’, напр.: в «Березе» (<1913>) – «Обсыпает ветки // Новым серебром»; в «Кузнице» (<1914>) – «Взвейся к солнцу с новой силой» [3, т. 4, с. 45, 65] и др. В 1920-е гг. слово «новый», пройдя через смысловую связь с идеей преобразования государства и даже всего мира, часто (но не всегда) возвращается у Есенина к прежнему «словарному» толкованию, напр.: в «Цветах» (<1924>) – «И эту гробовую дрожь // Как ласку новую приемлю» [3, т. 4, с. 203]. Но в ряде произведений последних лет «преобразующий» оттенок лексемы «новый» остается по-прежнему актуальным: в стихотворении «Издатель славный! В этой книге...» (<1924>) во второй строчке зачина «Я новым чувствам предаюсь» [3, т. 4, с. 190]; в «Капитане Земли» (17 января 1925) в стихах «Споет вам песни // В честь борьбы // Другими, // Новыми словами» [3, т. 4, с. 217]; в стихотворении «Неуютная жидкая лунность» (<1925>) в строчке «Может, в новую жизнь не гожусь» [3, т. 4, с. 221].

Чернышевский в романе поставил вопрос о наличии тайны как сокровенного смысла у простого народа: «...да и не у всякого есть они [тайны], многим и ровно нечего прятать от близких»; и далее обосновал, что каждому присущ свой «уголок» внутренних переживаний, но он еще надеется иметь личную «особую комнату», чтобы на нее распространялась «святыня порога, через который никто не имеет права переступить без воли живущего за ним»; пока же обществом признается право владеть собственной комнатой лишь для главы семейства, только хозяин-большак может вытолкать за дверь любого вошедшего без спроса [8, с. 214]. По мнению Чернышевского, идея персональной комнаты напрямую связана со сферой психологического комфорта. Есенин, воспитанный в многодетной крестьянской семье и учившийся в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе – по сути, в школе-интернате, естественным образом воспринимал отсутствие личного пространства и невозможность уединения, закрытости от людей, пусть и близких. Вероятно, поэтому родные и односельчане в с. Константиново часто наблюдали и описывали в воспоминаниях, как Есенин подростком сидел на камне на старом кладбище у часовни на высоком берегу р. Оки, глядел вдаль и о чем-то мечтал и размышлял. Сестра А. А. Есенина поведала о том, как справа на кладбище, на откосе высокого холма (среди местных кре-

стьян подобные высоты назывались «буграми»), между надгробных камней-валунов, обросших зеленым мхом и высокой крапивой, находилась небольшая часовенка из камня с тесовой крышей; около нее на земле лежала старинная памятная плита, на которой «любил сидеть Сергей» и откуда «открывался чудесный вид на наши приокские раздолья» [9, с. 56]. Когда он стал уже признанным поэтом и приезжал на «малую родину» в конце мая 1924 г., после пожара в родительской избе 3 августа 1922 г. и своего путешествия в Европу и Америку в 1922–1923 гг., он уединялся в уцелевшем амбаре и там писал стихи [2, т. 3 (2), с. 128; 2, т. 4, с. 290]. «Святыня порога <...> главы семейства» Чернышевского перекликается с образом стихотворения «К теплomu свету, на отчий порог...» (<1917>) Есенина [3, т. 4, с. 159].

Концепт *тайна* Есенин, по сравнению с вычитанным у Чернышевского в романе, существенно расширяет: кроме личной тайны, это также «тайна Бога» (т. е. сокровенное общение с Богом и другими божественными лицами, святыми), тайна творчества, тайна Родины и ее будущего. На идею тайны личности, тайны национального характера, тайны творчества могли повлиять таинства православия, принятие присяги в армии – «Клятвенного обещания на верность службы» с подписью под стереотипным словесным клише: «...всякую вверенную *тайность* крепко хранить буду...» [3, т. 7 (2), с. 227]; чтение стихов А. В. Кольцова и других поэтов о тайне [3, т. 6, с. 25, № 14]; изучение трактатов современников о творчестве (например, «Лилия и роза (из статейной подборки 1905–1911 гг.)» Г. И. Чулкова, «Ключи тайн» (1904) В. Я. Брюсова и др.) [10, с. 344–345].

Интересно, что в романе Чернышевского имеются суждения Рахметова о принятии обычных жизненных наслаждений исключительно как платы за принесенную жертву, когда он «выпил пять стаканов чаю, с ними опростал половину огромного сливочника и съел страшную массу печенья» и оправдывал себя – «имею право на это наслаждение, потому что жертвую целую половиною суток» (в разделе XXX главы 3) [8, с. 195]; ср. суждение Есенина в письме к Г. А. Панфилову между 16 марта и 13 апреля 1913 г.: «...прихотливые вещи, как-то вроде шоколада, какао, кофе, не употребляю и табак не курю» [3, т. 6, с. 33, № 20]. Совпадает даже фразеология Есенина и Чернышевского – при характеристике Рахметова (в XXIX разделе 3-й главы), который «отказался от белого хлеба, ел только черный», несколько недель подряд не вкушал ни

куска сахара, месяцами не пробовал фруктов и даже необходимых для жизненных сил телятины или пулярки (особо откормленной курицы) [8, с. 186]. По словам Рахметова, он не тратил деньги «на прихоть, без которой могу обойтись» [8, с. 186], несмотря на тонкий вкус и приобщение с детства к роскошному столу. Только Никитушка Ломов (как называли Рахметова знакомые) ел говядину для набирания физической силы и не смог отрешиться от сигар, а отказ будущего поэта от «прихотливых вещей» в юности базировался еще на толстовстве и вегетарианстве (по мнению друга Н. А. Сардановского), хотя последнее он наблюдал в новом знакомом Исае Павлове и отрицал в себе: «Итак, я бросил есть мясо, рыбы тоже не кушаю, сахар не употребляю, хочу скидывать (так! – Е. С.) с себя всё кожаное, но не хочу носить названия “Вегетарианец”» [3, т. 6, с. 35, № 21; ср. с. 26, № 15; 2, т. 1, с. 125, 153–154, 162].

Для постижения творческой лаборатории Есенина в целом необходимо отметить, что в романе Чернышевского в разделе XII главы 4 указан Корнелий Непот [8, с. 244], имя которого могло повлиять на выбор героя Корнея Бударки – мужа главной героини Палаги в рассказе «У белой воды» (<1915>), написанного примерно в то же время, что и его «Яр», и в содержательном смысле составляющего с ним единое целое, своего рода разножанровую дилогию в прозе (повесть и рассказ). Более того, и сюжет рассказа построен по принципу любовного треугольника, как в романе Чернышевского и в повести Есенина, причем дважды возникшего и при этом сильно ослабленного, ибо нельзя считать ни встречного парня, ни работника Юшку действительным соперником мужа Палаги.

Муж героини – Корней Бударка – имеет фамилию или прозвище, образованное от слова «бударка» («будара») – «лодка <или судно>, используемая для рыбной ловли и перевозки грузов» [11, с. 26 – со ссылкой: 12, с. 241–242]. Ареал бытования этого диалектизма и однокоренных слов – Псковская, Пермская, Самарская, Симбирская, Казанская, Астраханская губ., Каспийское побережье и Урал [12, с. 241–242]; очевидно, Есенин услышал данное словечко от знакомых из тех краев или вычитал в литературе, например у В. И. Даля, который привел переносное значение – «дылда, верзила» [11, с. 26; 13, с. 37]. А. А. Никольский ищет смысл «прозвища» – его «мог получить большой, неповоротливый человек» [11, с. 26]; но ведь это слово еще похоже на фамилию, в том числе «говорящую фамилию», образованную от «бударки»-лодки, т. е. с указа-

нием на род занятий человека: именно поэтому Есенину было сподручнее взять не рязанский диалектизм, а привнесенный с других территорий. Ведь если в бассейне р. Ока в Рязанской губ. лодки имели свои названия (лодка, барка, чёлн, челнок, струг – см. с. Стружаны Клепиковского р-на и озеро Стружаны Рязанского р-на и др.) [14, с. 594; 15, с. 405; 16, с. 156], то все их владельцы могли быть обозначены общим словом, известным каждому (в рассказе фигурируют «лодочка», «лодка», «чёлн», «баркас») [3, т. 5, с. 147, 153–154, 155]; следовательно, не сработал бы принцип уникальности, выделения конкретного человека из подобных, на чем базируется прозвище и порождаемая им фамилия как имена собственные. Наоборот, незнакомое словечко легко становится прозвищем именно из-за своей чужеродности, необычности для жителей определенной местности.

Заметим, что читательское (и исследовательское) восприятие Бударки как прозвища, а не фамилии (например, по украинской модели), встречается в научной литературе, что видно по способу образования родовых (фамильных) прозвищ родственников исходного носителя (первопредка). Так, Ю. Л. Прокушев рассуждал о трагической судьбе героини рассказа – «честнейшей русской женщины Палаги Бударкиной» вместо Палаги Бударки [17, с. 31]; ср.: Серёга Монах, Монашкины – о членах семьи А.Н. Есенина. В с. Константиново проживали украинцы, в том числе Афанасий Павлюк – друг Есенина [10, с. 35, 161, 599, 617, 751], однако еще предстоит выяснить окружение поэта в юности в родном селе и в с. Спас-Клепики, где он учился в 1909–1912 гг., на предмет выявления фамилий и прозвищ, созданных по той же словесной модели, что и Бударка.

Имя Корней (также Корнил) является редким, причем производным, разговорным и сокращенным, происходящим от однокоренных – Корнелий / Корнилий, представляющихся заимствованием, предположительно возникшим от лат. *cornu* – «рог» либо от лат. *cornum* – «ягода кизила» [18, с. 135]. Показательно, что Есенин выставил Корнея Бударку «рогоносцем» (но без соответствующего обозначения), что вряд ли является случайностью, хотя пока неизвестно, из какого источника мог узнать Есенин семантику имени, связанную с рогом; наиболее вероятно – из церковной литературы.

Есенин, обучавшийся в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского и еще ранее в учительской школе в

с. Спас-Клепики, вероятно, располагал сведениями о псевдониме Н. А. Добролюбова – Анастасий Белинский, в котором имя значило «воскресший»; судя по воспоминаниям современников, творчеством Белинского поэт прицельно интересовался в школьные и университетские годы. Согласно «Программам для церковно-учительских школ» (а Спас-Клепиковская второклассная учительская школа одно время числилась по более высокому разряду церковно-учительских школ), «Программа теории словесности и истории русской литературы» на 3-м году обучения включала раздел IV «Критика», предлагавший изучить роль одного типичного представителя: «Белинский; значение в истории русской литературы его критических трудов» [19, с. 45]. Возможно, для уяснения его роли учитель Е. М. Хитров мог рассказать о возрождении возглавляемого им направления критики последователем Анастасием Белинским. В Спас-Клепиковской второклассной учительской школе однокашник Я. А. Трепалин вспоминал о вечерних дискуссиях на третьем году обучения, в 1911/1912 уч. г., указывая псевдоним-прозвище товарища: «...наиболее активных спорщиков называли именами писателей и критиков: Есенина – Пушкин, Смирнова – Белинский, Тиранова – Чернышевский» [1, с. 66; 2, т. 1, с. 127]. Есенин читал произведения П. И. Мельникова, известного под псевдонимом Андрей Печерский [20, с. 102]. Следовательно, он должен был обратить внимание на то, что писатели, используя псевдоним, выбирают символическое имя.

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье «Собственные имена» С. Б-ч сообщал о генезисе таких имен от обычных реалий, в том числе заимствованных даже из неродственных языков и уже не означавших ничего в воспринимающем языке, хотя они обладали первоначальным конкретным смыслом в породившем их языке: например, «греч. Алексий, Андрей, Никифор, Николай, лат. Максим и т.д. все имели первично известное значение (защитник, храбрый, победоносец, победитель народов, величайший и т.д.)» [21, с. 667–668]. О происхождении личных имен от нарицательных писал священник М. Морошкин в «Славянском именованном, или Собрании славянских личных имен в алфавитном порядке» (1867), во «Введении»: если разложить и разделить личные имена (как имена собственные) на части и выделить из них корни, то это «прямо и наглядно обнаружит их происхождение от прозвищ, имеющих нарицательное значение»

[22, с. 1]. В поэме «Пугачев» (март-август 1921) Есенин обыграл этимологию царского имени (Петр – от древнегреч. «камень»), принятого на себя заглавным героем ради своей исторической миссии и размышляющего о восприятии толпой подставного царя: «Что ей Петр? – Злой и дикой ораве? – // Только камень желанного случая» [3, т. 3, с. 27; 23, с. 169].

Известен интерес Есенина к собственной фамилии, которую он и его окружение производили от древнерусской формы «есень» (осень), названия дерева «ясень», обозначения цвета «синь», качества «ясный» (в других огласовках – Ясенин и Ясенин, встречавшихся у родни, а первое – и у него) и т.п. [5, т. 1, с. 132]; в наброске 1923 г. он писал: «Фамилия моя древнерусская – Есенин. Если перевести ее на сегодняшний портовый язык и выискивать корень, то это будет – осень» [3, т. 7 (2), с. 92, № 21], хотя в действительности она являлась производной от уменьшительного и искаженного личного имени его дальнего предка – Евсигней [24].

Еще раз подчеркнем редкость имени Корней, несмотря на то, что в церковном календаре имеется 9 дней, посвященных святому Корнилию (10 января, 5 марта, 11 апреля, 1 июня, 6 июля, 4 августа, 3 и 26 сентября, 7 декабря по ст. ст.); по разным данным, некоторые даты различаются; две из них обращены к новомученикам, которых не было при Есенине [25]. Причем один из святых, преподобный Корнилий Переяславский, являлся рязанским по происхождению, вел затворнический образ жизни. Есенин во время обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе обязан был посещать церковные службы и мог обратить внимание на этого святого. Другим важным святым считается Корнилий Сотник (I в.), епископ Кесарии Палестинской, исповедник; упоминается в Деяниях апостолов и в Четьях-минеех, составленных Дмитрием Ростовским, под 13 сентября ст. ст. [26, с. 276–286]. В этом житии цитируется Евангелие от Луки (гл. 2, стих 14): «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение»; две начальных части фразы имеются в «маленькой поэме» Есенина «Инония» (январь 1918) [3, т. 2, с. 68]. Согласно «Программам для церковно-учительских школ» на 2-й год обучения по «Истории русской словесности (книжной)», при изучении Просвещения XVII в. фигурировал Дмитрий Ростовский [19, с. 41].

Необходимо произвести специальные разыскания, чтобы установить: проживали ли в с. Константиново и его окрестностях люди по

имени Корней при жизни Есенина; были ли в его роду или у соседей предки с таким именем, о которых ему могли рассказывать родные; имелись ли однокашники по Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и учащиеся старших и младших классов с этим именем; слышал ли он его при посещениях родных в других деревнях (например, в д. Рябиновке) по пути в эту школу и про гощении в семьях друзей неподалеку от с. Спас-Клепики; писали ли о каком-нибудь Корнелии или Корнилии рязанские газеты и т.п.? Также не было ли знакомых или случайных лиц с таким именем в окружении Есенина в Москве и Петрограде?

Есенин слышал редкое имя Корней в составе псевдонима К. И. Чуковского (Николая Корнейчукова), позже встретился с ним в имении «Пенаты» И. Е. Репина под Петроградом 16, 23 или 30 декабря 1916 г. [2, т. 1, с. 301, 316]. В то же время все-таки среди крестьян, мещан и духовенства Рязанщины встречались люди по имени Корнилий / Корней или с образованными от них отчествами, фамилиями, и несколько их даже попало в «Памятную книжку Рязанской губернии» [27]. В Рязском у. на станции Подвислово Рязанско-Уральской железной дороги служил «запасным агентом» крестьянин Корнилий Иванович Колесников [27, с. 408]. В г. Зарайск в канцелярии был служащим мещанин Петр Корнеевич Корнеев, он же являлся письмоводителем в местном комитете Российского общества Красного Креста [27, с. 283, 295]. В Михайловском у. водяную мукомольную мельницу содержал Корнеев Григорий Васильевич в с. Осово Окульновской вол. [27, с. 346]. В Рязани на Маломещанской ул. в доме Корнеевых жил «содержатель артели» печников Андрей Алексеевич Карнеев (фамилия дана в «акающей» диалектной огласовке) [27, с. 203].

Есенин мог прочитать имя Корнилий в четырехтомном «Историко-статистическом описании церкви и монастырей Рязанской епархии...» И. Добролюбова, в нем в т. 1 содержалась интересная информация о родном для поэта с. Константиново. В с. Стружаны Рязанского у., расположенном сравнительно недалеко от с. Спас-Клепики, где учился Есенин, в Успенской церкви был священником Тит Корнилов, упомянутый около 1724 г.; в упраздненном Горетовском Рождественском монастыре Зарайского у. назван в 1652 и 1657 гг. Корнилий в качестве настоятеля; в той же должности указан его тезка в 1678 г. в закрытом позднее Новорождественском монастыре в г. Михайлове [16, т., 1, с. 157, 262, 282].

Также имя Корней у Есенина могло иметь литературное происхождение, хотя и вариативное: поэт прочитал «Ночь перед Рождеством» из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, где фигурирует один из «самых степенных козаков» Корний Чуб, у которого есть дочь Оксана, в нее влюблен кузнец Вакула, а сам он зааживал к его матери Солохе. Имеется еще один, достаточно сложный, путь усвоения имени Корнелий из романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, оказавшего влияние на мировоззрение Есенина. В романе в разделе XII главы 4 есть фрагмент фразы автора (рассказчика) о Вере Павловне, которая вряд ли «достигнет такого совершенства в латинском языке, чтобы перевести хотя две строки из Корнелия Непота <...>» [8, с. 244].

Имя Палага, являясь разговорной и диалектной уменьшительной формой от полного имени Пелагея, имеет аристократический синоним, возникший под влиянием французского имени – Полина, и уже это имя тоже фигурирует в романе Чернышевского, например в адресате «Письма Катерины Васильевны Полозовой» в разделе XVIII главы 4 и др. [8, с. 266]. Есенин обладал прекрасной памятью и мог обратить внимание на эти художественные нюансы. Имя Пелагея было широко распространено в крестьянской среде, в том числе на Рязанщине и в соседних местностях, где имело эту же сокращенную форму: например, Полина Гавриловна Еремина, около 1918 г. р., и Полина Кузьминична Сударикова, 1929 г. р., обе родом из с. Озёрки Сараевского р-на Рязанской обл., переселились в Москву и Подмоскowie, и так их уважительно звали окружающие люди, игнорируя официальную полную форму имени (экспедиционная запись Е. А. Самоделовой от А. М. Самоделовой (1929–2023), г. Москва, 17.07.2022).

У Есенина было две тети по отцу – Пелагеи (1880–1882 и 1885–1902?), умершие во младенчестве и отрочестве [2, т. 1, с. 432]; еще необходимо проследить родословную ветвь Титовых по материнской линии – вдруг там тоже отыщутся обладательницы этого имени? Упорство родителей в наречении дочерей одинаковым именем, несмотря на плохую примету – называть последующего ребенка именем его безвременного скончавшегося предшественника, показывает пристрастие к этому имени или безоговорочное принятие решения священника, действовавшего согласно «Святцам», хотя и в них именованное отличался разнообразием. Л. Е. Крючкова, В. А. Кузнецова исследовали частотность имен

в Напольновской вол. Сапожковского у. (одного из южных уездов Рязанской губ.) в 1900–1905 гг. по метрическим книгам Сергиевской церкви с. Напольное и получили имя Пелагея вторым по употреблению после Марии – 7 против 11 на 104 рожденных девочки в 1902 г., и 6 на 120 девочек в 1903 г. [28, с. 122–123; 29, т. 1, с. 140–141]. Имя Корнелий / Корнилий не встретилось в указанном исследовании ни разу; не попадалось оно (в том числе в форме отчества) нам и в фольклорных экспедициях 1980–2020-х гг. В «Славянском именованном...» (1867) священник М. Морощкин привел целый ряд имен, образованных от Пелагеи: Паланька, Палаха, Палаша, Палашенька, Палашка [22], но среди них нет Палаги, как у Есенина.

Итак, мы рассмотрели некоторые философские концепты и личные имена, встретившиеся в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и, возможно, отразившиеся в творчестве Есенина (во всяком случае, нашедшие в нем параллели).

Список литературы

1. Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М. : Московский рабочий, 1963. 192 с.
2. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. (7 кн.). М. : ИМЛИ РАН, 2003–2018.
3. Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. (9 кн.). М. : Голос ; Наследие, 1995–2001.
4. Скороходов М. В. Сергей Есенин: Истоки творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2014. 383 с.
5. Сардановский Н. А. На заре туманной юности // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., комм. А. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 129–134.
6. Сакулин П. Н. Русская литература после Пушкина. Лекции, читанные в 1911–1912 г. на Высших женских курсах : в 3 ч. М. : Типо-лит. И. Х. Кавыкина, 1912.
7. Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на повесть «Яр» С. А. Есенина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-73-79>, EDN: CQXGTE
8. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Современник 1862–1863 (статьи экономические, отдел «Политика»); роман «Что делать?». СПб. : Изд-е М. Н. Чернышевского, Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. 246, 317 с.
9. Есенин А. А. Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., комм. А. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 55–125.
10. Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский жизнеописание на перекрестке культурных традиций. М. : Языки славянской культуры, 2006. 920 с. (Studia philologica).

11. Никольский А. А. Рязанские топонимы в художественной литературе: Материалы и комментарии. Рязань : РГУ им. С. А. Есенина, 2007. 48 с.
12. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1968. Вып. 3. 360 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с.
14. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовета. М. : Наука, 1969. 611 с.
15. Бабурин А. В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень). Рязань : Рязанский обл. центр нар. творчества, 2004. 546 с. (Рязанский этнографический вестник. Вып 32).
16. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, со списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями / сост. свящ. Иоанн Добролюбов : в 4 т. Т. 4. Зарайск : Тип. А. Н. Титовой, 1884. 363, V с.
17. Прокушев Ю. Л. Прозрения Гения (Штрихи к портрету Героя Летописи) // Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. (7 кн.). Т. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 5–60.
18. Словарь русских личных имен. Около 2600 личных имен. М. : Советская энциклопедия, 1966. 384 с.
19. Программы для церковно-учительских школ. Изд-е Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб. : Синодальная тип., 1903. 145 с.
20. Самоделова Е. А. Старобрядческие и сектантские ключи к «Ключам Марии» Есенина // Сергей Есенин и искусство. М. : ИМЛИ РАН, 2014. С. 97–113. (Есенин в XXI веке. Т. 2). EDN: SWBIWN
21. Б-ч С. Собственные имена // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Тип. Акц. О-ва «Издательское дело», Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1900. Т. XXX^A. С. 667–668.
22. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / сост. свящ. М. Морошкиным. Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1867. 108, 213 с.
23. Самоделова Е. А. Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина. Рязань : Рязанский обл. центр нар. творчества, 1998. 225 с. (Рязанский этнографический вестник. Вып. 27).
24. Ковалева С. С. Родословная С. А. Есенина: по архивным материалам // МегаЛекции. URL: <https://megalektsii.ru/s25483t10.html> (дата обращения: 14.02.2023).
25. Словарь личных имён и отчеств (с календарем именин) / сост. И. Мостицкий. 2011 // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/first-names/index.htm> (дата обращения: 14.02.2023).
26. Житие святого священномученика Корнилия сотника // Жития святых святителя Дмитрия Ростовского. Сентябрь (Репринт: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. С изображениями святых и объяснительными примечаниями. М. : Синодальная типография, 1902. 680 с.) М. : Ставрополь ; Лествица, 2004. С. 779–781.
27. Памятная книжка Рязанской губернии. Рязань : Губернская типография, 1914. 498 с.
28. Крючкова Л. Е., Кузнецова В. А. Мужские и женские имена Напольновской волости – Напольновского сельского поселения (начало XX в. – XXI в.) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань : Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 122–134.
29. Самоделова Е. А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии : в 2 т. 2-е изд., доп. Рязань : Рязанский обл. центр нар. творчества, 2019. Т. 1. 356 с. (Рязанский этнографический вестник. Вып. 61).

Поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 10.11.2023